

Города и конфликты

Егор Мулеев

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.

Можно ли говорить о традиционном градостроительстве с точки зрения социальных дисциплин и где заканчивается его срок? Вышедшая в 1961 году книга попыталась дать понять, что модернистское направление формирования населённых пунктов, порождённых собственной же логикой развития, находится в некотором замешательстве. Более того, автор попыталась создать альтернативу, которая стала толчком к новым представлениям об урбанистическом планировании.

Центральный тезис – критика дедуктивной градостроительной логики. Город – это органическое образование, которое не только испытывает на себе влияние внешних факторов, но и охотно конструирует повседневность своих жителей. Таким образом, городская жизнь, если можно так выразиться – уравнение с разнообразным числом неизвестных, в котором их никак не меньше трёх. Современное же градостроительство мыслит ареалы расселения как строго односторонний процесс – исходя из двух переменных. К примеру, основоположник подобного деления, англичанин Эбенизер Говард, представлял себе, что количество жилой площади района детерминировано количеством рабочих мест. Эта идея, внятную критику которой впервые предприняла Джейн Джекобс, была подхвачена и активно растиражирована по всей планете.

Понимание городской жизни возможно только от частного к общему.

По её мнению, для городской жизни характерно, прежде всего, разнообразие, которое связано с многовариантностью экономического использования городской территории. Однородность способов использования приводит к однообразию среды, что, в свою очередь, выражается в апатии и беспомощности жителей. Поэтому целью урбанистической реновации является стимулирование экономической активности посредством комплекса мер, особого типа планировки и архитектуры. Собственно вокруг этой идеи и закручиваются все повествование – выделяются характерные черты пресловутого разнообразия и приводятся несколько советов к его воплощению. Впервые городская среда рассматривается не со строго экономической, социологической, градостроительной точки зрения, а как пересечение взаимозависимых потоков, общее поступательное развитие которых в целом невозможно при акценте на какой-то одной составляющей. Автор не загружает текст громоздкими теориями, да и сама идея книги не претендует на некоторую научную объективность. Это скорее наблюдения за окружающим миром, заинтересованность, которая и сделала непрофессионала одним из самых влиятельных критиков урбанизма в истории.

Несмотря на то, что ещё Карл Маркс упоминал про глобализационные процессы, Джейн Джекобс игнорирует логику развития торговых отношений.

Несмотря на пропаганду экономического разнообразия, возникает противоречие, связанное с крупными торговыми комплексами. Подобные объекты притяжения могут быть уместны на пересечении крупных транспортных артерий, но в плотном городском районе крупные ТЦ ставят крест на мелком бизнесе. В главе, посвящённой новой организации жилищного строительства, мнение о частном капитале, способном удовлетворить любой спрос, является, на мой взгляд, несколько преувеличенным. Новейшая отечественная история даже при диких ипотечных кредитах показывает несостоятельность такого подхода. Возникает ощущение, что автор говорит «А», но не упоминает про «Б», но это особенность произведения – нет никаких прогнозов.

Идея смешанной планировки, отказа от функционального зонирования, соседствует с понятием границ района, которые определяются некоторыми физическими преградами, но одновременно, не должны быть замкнуты. Возникает ощущение недосказанности: как создать границу квартала не разрушая, а даже стимулируя переплетение социально-экономических связей – это, вероятно, уже зона ответственности планировщиков городской среды. Чуть-чуть стало обидно и за Москву – оказывается регулярная планировка лучше запоминается, поэтому является более перспективной, согласен, что в радиально-кольцевой легче запутаться, зато сколько неожиданностей таят в себе переулки. Рассматривая организацию транспорта, Джекобс говорит о кумулятивном эффекте реконструкций, что не вызывает сомнения, но говоря о смешанной реновации городских районов, автор идеализирует это явление, утверж-

дая, что положительные изменения в одном районе обязательно вызовут развитие в других. Тем не менее, история показывает обратное, то ли от человеческой лени, то ли от глухоты чиновников-градоустроителей.

Главная социальная проблема города у автора носит название Великого Несчастья Скуки. Именно из-за неё люди боятся выходить на улицы, из-за неё падают цены на недвижимость, из-за неё правительство принимает решение о реконструкции квартала. Спасение кроется в стимулировании экономического разнообразия и сильной руке мэра, «верящего в народовластие». Собственно именно в этом демократическом постулате и закручивается смысл города как некой арены для многочисленных изменений в обществе.

Через некоторое время после выхода в свет, книга «Смерть и жизнь великих американских городов» стала идеологическим фундаментом для развития неотрадиционной градостроительной идеологии Нового Урбанизма. А начало было положено идеей властей о прокладке новой скоростной автомобильной магистрали через район, в котором живут небезразличные к своему окружению люди. Тяжбы между властями и жителями могли длиться годами, даже десятилетиями, но население выигрывало этот поединок, сохранив свою среду обитания. В этих схватках и появился Новый Урбанизм, принципиально новый подход к городскому планированию, который набирает обороты у себя на родине в США и приобретает последователей по всей планете. В то время как подавляющее большинство градостроителей продолжает пользоваться блестяще раскритикованными методами.